

Сергей Владимирович Лёвин

«БЕЗ МОЕГО ВЕДОМА САМОГОНУ БОЛЕ НЕ ВАРИТЬ»:

Борьба с самогоноварением в годы Гражданской войны в провинции (На примере Балашовского уезда Саратовской губернии)

Революционные события 1917 г. и начавшаяся Гражданская война обнажили многие язвы российского общества. «Пьянящий воздух свободы», кардинальное изменение системы духовных ценностей и социальных норм поведения привели к значительным социальным аномалиям. Экстремальные условия Гражданской войны заставляли рядового человека искать иные модели поведения, чем те, которые сложились до революции. Произошла так называемая архаизация сознания населения, причем в провинции этот процесс протекал быстрее, чем в Петрограде и Москве. В повседневной жизни жителей российской глубинки стал формироваться новый уклад со знаком минус. Значительное место в этом занимало изготовление и потребление населением крепких спиртных напитков, прежде всего самогона. Самогоноварение приравнивалось советской властью к

контрреволюционному действию, а лицо, занимавшееся им, подлежало, безусловно, суровому наказанию и общественному порицанию. 18 мая 1918 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», согласно которому самогонщики объявлялись «врагами народа», подлежали «революционному суду» и суровому уголовному наказанию. В декабре 1919 г. СНК РСФСР издал постановление «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ», несколько смягчавшее наказание за самогоноварение. На состоявшемся в марте 1922 г. XI съезде РКП(б) В. И. Ленин заявил о «категориче-

ском недопущении торговать сивухой»¹. Советская власть объявила трезвость, как верно отметила Н. Б. Лебина, «каноном повседневной жизни в условиях новой государственности»².

Самогоноварение в Саратовской губернии в годы Гражданской войны приобрело широкий размах. Возможно, это было обусловлено тем, что губерния (особенно Балашовский уезд) являлась одним из крупных зерновых центров страны. Иными словами, «сырье» для варки самогона у населения имелось.

На состоявшемся в сентябре 1922 г. Саратовском губернском совещании руководителей уездных милиций балашовские делегаты констатировали: «Самогон развит настолько, что не хватает сил бороться с ним. В уезде варкой самогона, зачастую занимаются целые села, тем самым борьба с ним особенно затруднительна, во-

г. БАЛАШОВЪ. Общий видъ города.

Балашов в начале XX в. Балашовский краеведческий музей

первых, вследствие малочисленности милиции и, во-вторых, большого числа обязанностей, возложенных на нее³. Жители некоторых населенных пунктов встречали самогонщиков в надежде «задобрить» их, тем самым смягчить потенциальные санкции и снизить размер конфискации зерна. Именно на это надеялись жители с. Красное Колено Красно-Коленовской волости, которые 4 ноября 1918 г. радушно встретили бойцов прибывшего продотряда. Однако перестарались с угощением, поскольку, как сообщал в уездный исполком один из очевидцев, «продармейцы, насытившись до бесчувствия, начали обыскивать у крестьян хлеб...»⁴. Прибывший на место происшествия отряд уездной милиции наложил на красноколеновцев штраф за нанесение «телесного ущерба сознательным бойцам революции»⁵.

Борьбу с самогонварением вели, как правило, уездная и поселковая милиция, волостные исполкомы, сельские советы и советские активисты. Известны случаи, когда с этим социальным злом пытались бороться комбеды. Так, комитет бедноты Рассказанской волости уже 13 октября 1918 г. принял достаточно суровое поста-

новление о запрещении самогонварения в селах и деревнях волости: «Самогон не варить, а кто не будет исполнять постановление, тот будет считаться как контрреволюционер, как противник Советской власти и будет отправлен по назначению, дабы с ним расправились как с беспощадным врагом народа»⁶. В с. Самойловка члены комитета бедноты практиковали «позорное наказание» самогонщикам: «Самогонщику, — вспоминал участник тех событий большевик Ф. Н. Белянский, — надевали на голову кадушку или аппарат и водили по улицам»⁷. Иногда, видимо, для усиления эффективности наказания по кадушке или аппарату «чем-нибудь постукивали».

С самогонварением боролись и местные комсомольцы, но больших успехов в этом они не достигли. Причина, возможно, заключалась в том, что самогонщики (старшие по возрасту односельчане) не воспринимали комсомольцев всерьез. Житель с. Самойловка комсомолец Н. О. Сокиркин вспоминал: «Кроме культурно-просветитель[ельной] работы, комсомол вел борьбу с бандитизмом и самогонварением. Вот один из эпизодов. Ольшанка, зимняя ночь, дымок идет из трубы. Заходим в дом.

На наш вопрос „На каком основании вы гоните самогон“ отвечают: „Не видите, на кирпичном“»⁸.

Борьбе с самогонварением придавалось политическое значение, поскольку оно рассматривалось большевиками как угроза новому строю. Приоритет отдавался репрессивным мерам. «Увещевания не действительны, — отмечалось в уездной газете „Борьба“, — необходимы репрессивные меры и чем строже, тем лучше, как с теми, кто варит, равно и к тем, кто пьет, нет спроса не будет предложения»⁹. Впрочем, балашовские большевики старались бороться с самогонварением не только запретительно-репрессивными мерами, но и пропагандистскими. В народном клубе в Балашове, народных домах и сельских советах в селах и деревнях уезда советские работники и активисты регулярно читали лекции о вреде пьянства, выпускали стенгазеты, «боевые листки фронта борьбы с самогонварением», устраивали спектакли, публичные чтения брошюр о вреде пьянства и преимуществах трезвого образа жизни. На страницах местной прессы регулярно помещали материалы «с мест», заметки корреспондентов, опросы, фельетоны по данному вопросу. Корреспондент газеты «Борьба», скрывавшийся под инициалами «М. Ж.», считал, что бороться с пьянством и самогонварением следует комплексными мерами, включая развитие культурно-просветительной работы на селе: «Культурно-просветительная работа в этом деле само собой разумеется, и мы, поэтому о ней не говорим. Но надо сказать, что одна культурная работа не может принести желательных результатов. Здесь нужно и прямое действие, и только то и другое вместе даст нам возможность, если уже не искоренить, то загнать его в глухое подполье и, тем самым, оградить население от разъедающей язвы»¹⁰. Широкое распространение получила практика взятия обвиняемого в самогонварении на поруки, с

целью «революционного перевоспитания». Как правило, за него поручались сельское собрание иногда комбеды и даже советские должностные лица.

Проблема самогонварения переплеталась и с должностными полномочиями, а также семейно-родственными отношениями. Так, 30 октября 1919 г. на имя начальника милиции 2-го участка Балашовского уезда поступило заявление от гражданки д. Каменки Новопокровской волости Е. Ф. Ребриновой. В нем отмечалось: «27 октября муж мой, он же председатель Каменского сельского совета Петр Ребринов выгнал меня без всяких средств на улицу, выгнал он меня за отказ принести ему самогонку, которую ему по его заказу приготавлила гр[ажданка] деревни Каменки Евгения Ивановна Черенкова»¹¹. При этом Е. Ф. Ребринова не забыла упомянуть, что ее муж «во время гуляния снял с учета одного поросенка, которого [в] тот же день зарезали и съели на гулянке. На неоднократные мои предложения бросить это, он ответил тем, что выгнал меня на произвол судьбы. Прошу обратить на это внима-

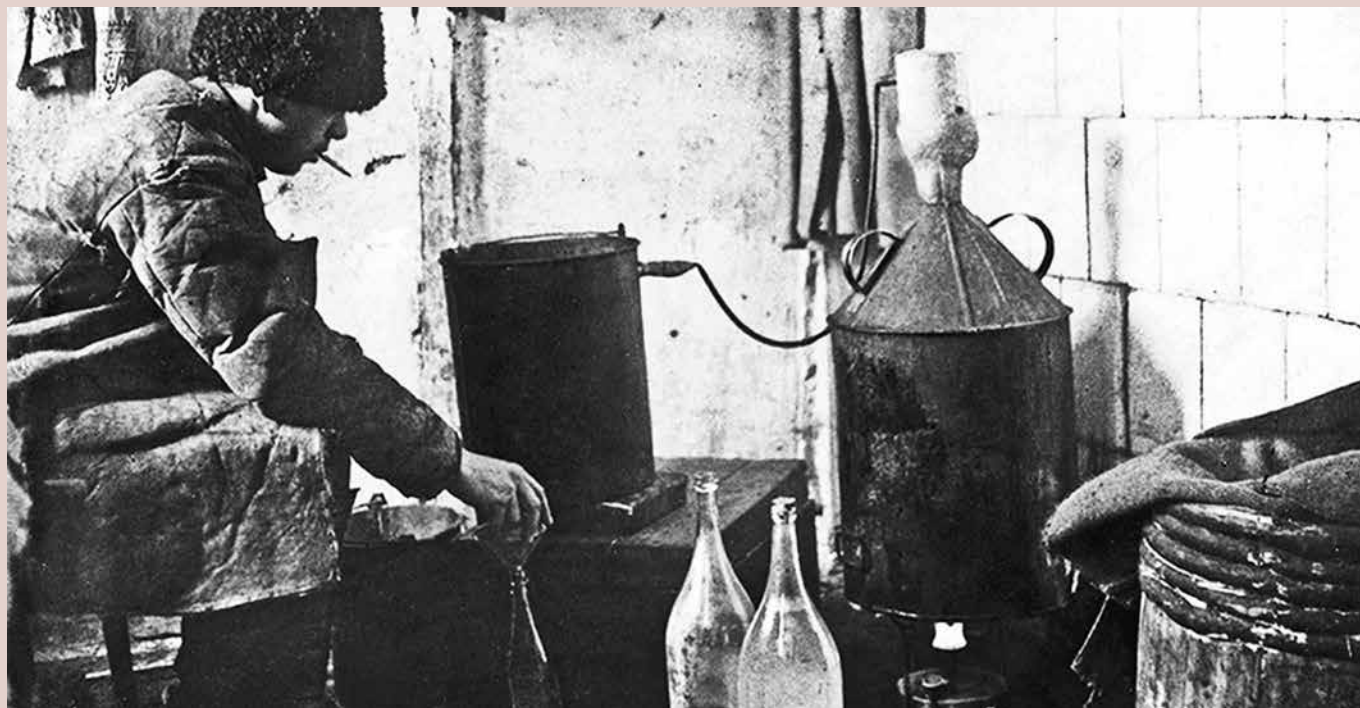
ние и привлечь виновных к законной ответственности»¹². Е. И. Черенкова на очной ставке с П. Ребриновым подтвердила, что он был у нее «и выпил один чайный стакан самогону», но его качество П. Ребринову не понравилось и он «строго приказал без его ведома самогону боле не варить»¹³. Петр Ребринов все предъявленные ему обвинения отрицал.

Наблюдались случаи, когда обвиняемый или обвиняемые и представитель правоохранительных органов или должностное лицо являлись родственниками, и к правовым отношениям примешивались межличностные, что мешало эффективно бороться с самогонварением. Чаще родственные отношения преобладали над соблюдением закона, если подозреваемым оказывался родственник милиционера. Безусловно, городским и сельским милиционерам было трудно совмещать добросовестное выполнение служебных обязанностей с нахождением в местном социуме.

Самогонщика мог арестовать не только милиционер, но и любой советский работник. Согласно вос-

поминаниям уроженца Романовской волости С. И. Фонова, в с. Дурникине Дурникинской волости, например, арест самогонщиков произвели продармейцы во главе с «агентом отряда», который под угрозой расстрела заставил самогонщика Минютина выдать всех соучастников¹⁴. Иногда случались довольно комические ситуации. Так, в д. Зырянке Репьевской волости милиционеры пытались арестовать и изъять самогон у местного жителя У. Г. Мартынова, но тот, несмотря на свои 75 лет и «вооруженную силу, схватил две четверти самогона и совершил побег...». Только после предупредительного выстрела он остановился и, видимо, с досады, «сам о бревно четверть с самогоном разбил...»¹⁵. В с. Новопокровском Новопокровской волости несколько жителей образовали даже «временное волостное бюро» сторонников самогонварения. Они оказали сопротивление участковому милиционеру, попытавшемуся арестовать одного из новопокровцев и конфисковать у него самогонный аппарат¹⁶. После задержания наиболее активных членов «временного

«Процесс идет...». За самогонным аппаратом. 1921 г. Архивный отдел муниципального казенного учреждения «Административно-хозяйственное управление Балашовского муниципального района»

волостного бюро» оно «эволюционировало» в артель самогонщиков.

Борьба с самогонварением в уезде представляла, фигурально выражаясь, борьбу с гидрой, у которой вместо одной отрубленной головы выростали две новые. Это в значительной степени обуславливалось тем, что самогонщиков покрывали представители власти. Корреспондент местной газеты «Известия» В. Н. Горчаков привел следующий эпизод: «4 февраля 1919 г. сельский милиционер, который „много содействовал прекращению выделки самогона в Алмазном Яре Алмазовской волости“, конфисковал в деревне Дмитриевке самогонный аппарат и... привез его к себе на квартиру. И что же оказалось? — Оказалось, что аппарат был нужен ему и хозяину его квартиры Земцову, так как у них была кадушка с бардой, из которой они хотели гнать самогон. На другой день, 5 февраля, они поставили кадушку и аппарат на сани и повезли их в кузницу хозяина, чтобы гнать самогон. Ну, тут дело пошло не на шутку, начали самогон гнать, выпивать, в сани гвозди забивать»¹⁷. «И вот в таких-то случаях, невозможно прекратить самогон. Само начальство тут работает, где прекращает, а где размножает»¹⁸.

2 мая 1919 г. старший милиционер Крутцовской волости 2-го района Балашовского уезда Ф. Н. Кулагин конфисковал у жителя с. Полухина Аркадакской волости Е. С. Байгушева ветчину, а у жителя того же села И. И. Лакотуша — ведро самогона. В рапорте на имя начальника участка он спрашивал, что со всем этим делать. Ф. Н. Кулагину было дано распоряжение «немедленно» предоставить «вещественные доказательства» в участок, где они благополучно и затерялись¹⁹. Впрочем, есть основания полагать, что эти «вещественные доказательства» проявились вечером следующего дня в самом Крутце, где «на спектакль в народный дом в нетрезвом виде и с бутылью самогона» пришла груп-

Артель новопокровских самогонщиков
(URL: <https://yandex.ru/images/search?text>)

па должностных лиц — «начальник милиции тов. Воробьев, председатель исполкома тов. Полянский и др., в числе 4-х человек»²⁰.

«Вещественные доказательства» хранились крайне небрежно, часто терялись или разрывались, иногда их забирали сами пострадавшие, у которых они были конфискованы. Например, жители с. Турки Турковской волости Е. М. Костюшин и И. Н. Смирнов после «распития четверти самогону» прямо со двора волостного управления милиции «увели и продали лошадь», которую милиционеры забрали у них во время перевозки нескольких емкостей с самогоном. Видимо, чтобы больше досадить стражам порядка, «похитили отхожее место, находящееся на заднем дворе управления...»²¹.

В Балашовском уезде местные власти часто оказывали покровительство самогонщикам. В связи с этим рейды против них часто заканчивались безрезультатно. Заранее предупрежденные кем-нибудь из представителей местной власти или активистов, самогонщики прятали аппараты и сырье, а некоторые скрывались на некоторое время из населенного пункта. Приехавший весной 1920 г. в гости к брату в с. Андреевка Ар-

кадакской волости член комитета бедноты д. Новая Вечкаловка Вечкаловской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии Д. В. Медведев дал следующий совет местному милиционеру по выявлению самогонщиков: «Их нужно ловить так: притвориться странником и попросить, мол, нет ли у кого хонжи (самогона. — С. Л.) полбутылочки или пуре (хмельного кваса. — С. Л.) четверть»²². Названный Д. В. Медведевым состав «пуре» позволяет отнести его не к «хмельному квасу», а к алкогольному гремучему коктейлю: «Кладут нюхательнова табаку и крепкой водки, и нашатырнова спирту...»²³. Вероятно, первый ингредиент использовался в качестве своеобразного ароматизатора.

Безусловно, потворство и укрывательство самогонварения, продажи спиртного сотрудниками милиции, руководителями волисполкомов, сельских советов не способствовали прекращению этого явления. Ситуацию на местах часто усугубляла разрозненность, несогласованность действий волостной или сельской милиции, волостных и сельских исполкомов. Этот печальный факт отмечен в отчетном докладе о работе Балашовской уездной милиции за сен-

тябрь 1920 г.: «Взаимоотношения исполкомов милиции в настоящий период времени не удовлетворительны, так как в последнее время наблюдаются трения между сельскими исполкомами и начальниками районных штабов, как например, в селе Романовке Романовской волости, председатель сельского исполкома тов. Муснев тормозит работу милиции, держа себя, во 1-х, [не]корректно по отношению к милиции, во 2-х, не содействует милиционному аппарату при преследовании преступников, не отпускает подвод для перевозки вещественных доказательств. Отбирает от милиции продукты, отобранные от спекулянтов без всяких расписок, а также всех вещественных доказательств, ссылаясь на то, что „я, мол, власть и никто не имеет право без моего ведома, указания ничего делать, ни каких распоряжений и начальника милиции не признаю“»²⁴.

Должностные лица советских учреждений, командиры продотрядов, председатели волостных исполнительных комитетов и сельских советов не видели ничего отклоняющегося от социальной нормы в своих действиях, превышавших границы их полномочий. Они являлись представителями новой власти и старались показать себя как ее эффективные управленцы местного уровня. К тому же, руководителями, должностными лицами советских органов становились выходцы из местного населения со сложившимся менталитетом, культурой поведения. Свою деятельность в органах власти они рассматривали как некое продолжение своих повседневных поведенческих практик, только с добавлением властных полномочий. Часто такое положение использовалось для сведения личных счетов с кем-либо из односельчан или

жителей соседних деревни, села. Конечно, свой отпечаток на борьбу с самогонварением накладывали шедшие на территории уезда боевые действия, особенно широко развернувшееся повстанческое движение. Востребованность у повстанцев, дезертиров и уклонистов от мобилизации в Красную армию, антоновцев, совершавших рейды на территорию уезда с осени 1920 г. по лето 1921 г., спиртного стимулировала население уезда его производить. Им также можно было и откупиться, сохранив семейный за-

пас продовольствия (муку, соль, пшено, крупу, соленья) от разграбления.

Таким образом, пьянство и самогонварение в годы Гражданской войны стали одними из наиболее ярких проявлений социальных аномалий в российской провинции. Если ряд других негативных явлений после наступления мирной жизни удалось искоренить или снизить их проявление, то самогонварение прочно вошло в жизнь советских людей, вызывая у его потребителей девиантное поведение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Ленин В. И. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1970. Т. 45. С. 120.
- ² Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии : От воен. коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 327.
- ³ Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 798. Л. 5 — 5 об. (Далее — ГАСО).
- ⁴ Там же. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 437. Л. 40.
- ⁵ Там же. Л. 40 об.
- ⁶ Архивный отдел муниципального казенного учреждения «Административно-хозяйственное управление Балашовского муниципального района». Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 54. Л. 37. (Далее — Архивный отдел МКУ «АХУ БМР»).
- ⁷ Сектор по делам архивов администрации Самойловского муниципального района. Ф. 64. Оп. 1. Д. 24. Л. 88.
- ⁸ Там же. Д. 43. Л. 4.
- ⁹ О самогоне // Борьба. 1922. 21 нояб. С. 4.
- ¹⁰ [М. Ж.]. Зеленое зло // Там же. С. 2.
- ¹¹ Архивный отдел МКУ «АХУ БМР». Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 6.
- ¹⁴ Краеведческий музей МОУ «Подгорненская СОШ» Романовского района Саратовской области. Коллекция документов. Воспоминания С. И. Фонова. Машинопись. С. 22 — 23.
- ¹⁵ Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 1. Д. 76. Л. 93 об.
- ¹⁶ См.: Покровский Н. «Бюро» пьяниц (с. Новопокровское) // Красный пахарь. 1920. 26 февр. С. 1.
- ¹⁷ Горчаков В. Н. Алмазов Яр. Борьба с самогоном // Известия. 1919. 2 марта. С. 3.
- ¹⁸ Там же. С. 4.
- ¹⁹ Архивный отдел МКУ «АХУ БМР». Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 26. Л. 23 — 23 об.
- ²⁰ «В нетрезвом виде» (с. Пинеровка) // Борьба. 1921. 30 янв. С. 4.
- ²¹ Архивный отдел МКУ «АХУ БМР». Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 101. Л. 3 — 3 об.
- ²² Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 5. Оп. 29. Д. 173ф. Л. 11.
- ²³ Там же.
- ²⁴ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 685. Л. 40.

Поступила 28.03.2022